

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ / BIBLIOGRAPHY. REVIEWS

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

М. М. Макарецев. Эвиденциальность в пространстве балканского текста. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. 444 с. [M. M. Makartsev. *Evidentsial'nost' v prostranstve balkanskogo teksta* [Evidentiality in the space of the Balkan text]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. 444 p.] ISBN 978-5-7576-0271-4.

Петр Михайлович Аркадьев

Peter M. Arkadiev

Институт славяноведения РАН, Москва, 119991, Россия
peterarkadiev@yandex.ru

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119991, Russia
peterarkadiev@yandex.ru

Рецензируемая книга является наиболее подробным и фундаментальным исследованием эвиденциальности — семантико-грамматической категории, кодирующей доступ говорящего к сообщаемой им информации, — на русском языке и, несомненно, одним из самых детальных и глубоких исследований балканской эвиденциальности в целом. Проблематика эвиденциальности относится к числу популярных в современной лингвистике, и количество публикаций по ней, как типологических и теоретических, так и посвященных конкретным языкам начиная с классического сборника [Chafe, Nichols (eds) 1986], за последние два десятилетия значительно выросло (см. хотя бы обобщающие труды [Aikhenvald, Dixon (eds) 2003; Aikhenvald 2004; Храковский (ред.) 2007; Diewald, Smirnova (eds) 2010]. В балканистике эвиденциальность, правда, под другими названиями («пересказывательное наклонение», «адмиративность») является традиционным объектом исследований начиная с конца XIX в., и число работ по данной теме на самых разных языках практически необозримо. Тем не менее монография М. М. Макарецева, по моему мнению, вносит весомый вклад в изучение эвиденциальности, причем не только в балканских языках — болгарском, македонском и албанском, — но и в типологическом освещении. Опираясь и на балканистическую традицию, и на достижения современной типологии, автор строит картину функционирования эвиденциальных категорий в грамматике, лексике и — что определяет новизну исследования — в дискурсе, достигая тем самым синтетического взгляда, объединяющего те стороны объекта исследования, которые до сих пор в основном рассматривались изолированно.

Книга состоит из Введения, двух частей, Заключения и Приложений. Пространное Введение (с. 7—36) помещает монографию в контекст современных исследований по эвиденциальности и балканистике и содержит подробный и весьма полезный обзор основных работ по эвиденциальности, как балканистических, так и типологических, который, впрочем, дополняется и углубляется в первой главе. На с. 25—29 приводятся и разбираются примеры грамматического выражения эвиденциальности в рассматриваемых в книге языках — болгарском, македонском и албанском. На с. 31—36 подробно описываются источники анализируемого в книге материала.

В соответствии с установкой М. М. Макарецева на рассмотрение эвиденциальности, с одной стороны, в рамках грамматической и лексической системы языка и, с другой стороны, в пространстве текста книга распадается на две неравные по объему части: «Эвиденциальность в языковом коде» (с. 37—212) и «Эвиденциальность в тексте» (с. 213—320). Первая часть книги состоит из трех глав. В первой главе «Понятие и структура категории эвиденциальности»

(с. 37—76) излагаются основные теоретические проблемы изучения эвиденциальности и выработанные лингвистикой точки зрения на них. Рассматриваются такие вопросы, как соотношение эвиденциальности с другими грамматическими категориями, в первую очередь с модальностью, структура категории, выделяемые в ее рамках семантические противопоставления и их реализация в конкретно-языковых системах. Интересным и оправданным представляется то, что Макарьев по отдельности рассматривает связи эвиденциальности с модальностью как довольно размытой «гиперкатегорией» и с более конкретными категориями, такими как эпистемичность, адмиративность и ирреалис. Весьма интересны замечания на с. 62—66 о месте болгарского языка в типологии эвиденциальных систем. Отдельно подробно изучаются способы маркирования эвиденциальности в балканских языках и соотношение эвиденциальных конструкций с категориями лица, залога, времени и отрицания. Данная глава книги демонстрирует не только глубокие познания автора в истории изучения эвиденциальности в балканских языках, но и его типологическую эрудицию, а также, что кажется особенно ценным, умение соотнести конкретно-языковые факты с типологическими наблюдениями.

Вторая глава (с. 76—144) посвящена грамматическим маркерам эвиденциальности в балканских языках. Хорошо известно, что эвиденциальные категории в болгарском, македонском и албанском тесно переплетены с выражением перфекта и не всегда могут быть однозначным образом формально ему противопоставлены. В болгарском и македонском эвиденциальность, и перфектные времена используют так называемые *л*-формы — общеславянские причастия, соответствующие русским формам прошедшего времени. Несмотря на то, что в ряде нормативных описаний болгарского утверждается, что в эвиденциальных формах 3-го лица обязательно опущение вспомогательного глагола (связки) ‘быть’, М. М. Макарьев убедительно демонстрирует на эмпирическом материале, что вспомогательный глагол может, с одной стороны, присутствовать в конструкциях со значением не прямой эвиденциальности и, с другой, отсутствовать в контекстах, где такого значения нет, и закономерно приходит к выводу (с. 102), что «использование / опущение связки в третьем лице *л*-форм не является основанием для разграничения [эвиденциальных и неэвиденциальных] парадигм». Наиболее значимыми с типологической точки зрения мне представляются следующие наблюдения и выводы автора: во-первых, построенная им четкая и логичная классификация эвиденциальных форм балканских языков и их формальных и функциональных соотношений с неэвиденциальными, позволяющая сделать нетривиальный вывод о принципиальной открытости этих грамматических систем, отдельные элементы которых, по-видимому, могут при необходимости строиться носителями языка из составных частей. Во-вторых, это убедительно аргументированное вслед за рядом работ предшественников и весьма важное (и, добавлю, редко упоминаемое в типологических работах) противопоставление грамматических форм, маркированных как прямые эвиденциалы («свидетельские» формы, использование которых допускается лишь при прямом доступе говорящего к сообщаемой информации; таковы синтетические прошедшие времена болгарского и македонского языков), маркированных как косвенные эвиденциалы («несвидетельские» формы, в том числе перфект) и нейтральных в отношении эвиденциальности, т. е. употребляющихся в обоих типах контекстов (в первую очередь это личные формы настоящего и будущего времени). В отличие от балкано-славянских языков, в албанском языке имеется лишь бинарное противопоставление косвенно-эвиденциальных и нейтральных форм. В-третьих, автор показывает, что во всех трех языках формы косвенной эвиденциальности могут выражать целый спектр значений, от репортативности и конклюдивности до адмиративности; это позволяет рассматривать и балкано-славянские формы «пересказа», и албанский «адмиратив» в рамках единой системы понятий. Межязыковые различия наблюдаются в том, какие значения являются для форм конкретных языков основными: если для болгарских и македонских *л*-форм это репортативность, то для албанского «инвертированного перфекта» — адмиративность. Отдельные разделы главы посвящены ареальной (диалектной) дистрибуции балканских эвиденциальных систем и рассмотрению точек зрения на их генезис (правда, в последнем разделе автор фактически отказывается от высказывания какого-либо собственного мнения по данному вопросу).

Третья глава «Лексические маркеры эвиденциальности в балканских языках» (с. 144—212) посвящена сравнительно новому аспекту в изучении эвиденциальности (см., например, [Wiemer, Plungian (eds) 2008]) и представляет результаты фронтального сопоставительного исследования значительного числа неморфологических средств выражения эвиденциальных значений в болгарском, македонском и албанском языках, рассматриваемых как сами по себе (в лексикографическом и дискурсивном аспектах), так и, что немаловажно, в их взаимодействии с морфосинтаксическим кодированием эвиденциальности. Употребление здесь терминов «неморфологическое» vs. «морфосинтаксическое кодирование» неслучайно и связано с тем, что М. М. Макаревич рассматривает в качестве «лексических маркеров» весьма гетерогенный класс единиц: от полнозначных глаголов речи и оборотов типа «согласно кому-либо» до частиц и союзов, которые скорее следовало бы отнести к грамматикализованным, хотя и неморфологическим показателям (о возможности и логической корректности трактовки как грамматических единиц вроде *по-моему*, *мол*, *якобы* и т. п., значение которых относится не к плану ассерции, а к модифицирующей рамке высказывания, см. работы [Boye, Harder 2009; 2012]). Представленный в этой главе материал, основанный на собственноручно собранном автором корпусе болгарских, албанских и македонских текстов, чрезвычайно интересен и убедительно проанализирован и обладает несомненной научной новизной.

Вторая часть книги, состоящая из двух глав, посвящена функционированию эвиденциальности в тексте и содержит ряд наблюдений, составляющих наиболее оригинальный и существенный с описательной и типологической точек зрения вклад рецензируемой монографии в изучаемую проблематику. Эта часть начинается с довольно обширного (с. 213—223), но странным образом не отраженного в оглавлении книги вступления, в котором М. М. Макаревич обсуждает историю изучения грамматической эвиденциальности в дискурсе, в частности, ряд работ по балканским языкам, в которых отмечается на первый взгляд парадоксальный «необязательный» характер эвиденциальных категорий в речи. В своем собственном исследовании автор опирается на семиотический подход к структуре текста и идеи об отражении в языке и дискурсе так называемой «модели мира», разработавшиеся, в частности, В. Н. Топоровым и Т. В. Цивьян (об этом см. также ниже). В рамках этого подхода употребление или неупотребление грамматических форм эвиденциальности, в особенности не мотивированное напрямую их собственной семантикой (в частности, в случаях, когда с чисто логической точки зрения весь текст целиком должен быть маркирован косвенными эвиденциалами как передаваемый автором или рассказчиком с чужих слов), может сигнализировать об определенных релевантных для данной «модели мира» противопоставлениях в рамках структуры текста.

Четвертая глава «Фольклорный текст сквозь призму эвиденциальности» (с. 223—291) излагает результаты сопоставительного анализа функционирования грамматической эвиденциальности в многочисленных болгарских, македонских и албанских версиях одного общеполубалканского фольклорного текста — «Баллады о мертвом брате». Выбор текста обусловлен, с одной стороны, его бытованием на всех изучаемых языках в разных диалектных зонах и, с другой, значимостью его сюжета с точки зрения культурной антропологии Балкан и отражения в нем «балканской модели мира». На с. 230—235 автор подробно останавливается на структуре текста баллады, истории ее изучения, гипотезах о путях ее распространения и на проявляющейся в ней системе «базовых оппозиций балканской модели мира» (с. 231). Затем рассматривается эвиденциальное маркирование на уровне отдельных лексических классов глаголов, причем выявляются тенденции к последовательно различному маркированию, с одной стороны, глаголов речи, а с другой — глаголов движения: в большинстве болгарских и македонских вариантов «Баллады...» глаголы речи выступают в формах прямой эвиденциальности, а глаголы движения — в формах косвенной, но есть варианты с «зеркальным» распределением; при этом глаголы движения появляются в наиболее сюжетно значимых отрезках «Баллады...». Исследуется также эвиденциальное маркирование распространенных в фольклорных текстах словесных формул; вариативность в использовании прямых vs. косвенных эвиденциалов в зачинах и концовках разных вариантов «Баллады...»

Макарцев объясняет тем, что эти фрагменты могут либо рассматриваться отдельно от основного текста (косвенно-эвиденциальное маркирование), либо трактоваться как его составные части (прямые эвиденциалы); правда, автор не уточняет, имеются ли какие-либо независимые от эвиденциального маркирования свидетельства включенности vs. невключенности зачина и концовки в основной текст, что придает аргументации отчасти круговой характер.

Наиболее интересные и нетривиальные наблюдения содержатся во втором и третьем разделах главы (с. 254—291), где исследуется употребление прямых и косвенных эвиденциалов в основном массиве вариантов «Баллады...». Выясняется, что косвенные эвиденциалы в албанском систематически используются для маркирования первого плана (foreground) дискурса, т. е. тех его отрезков, к которым сказитель фольклорного текста привлекает особое внимание слушателя. В болгарских и македонских вариантах баллады дискурсивно-мотивированное употребление прямых и косвенных эвиденциалов еще нетривиальнее: употребление косвенных эвиденциалов, а также сам факт «переключения» между прямыми и косвенными эвиденциалами и наоборот служат маркированию значимых отрезков текста, в первую очередь его начала, конца и стыков между эпизодами. То же отмечается и в ряде албанских вариантов «Баллады...». К сходным выводам приводят и результаты проведенного автором лингвистического эксперимента по обратному переводу (с русского, английского, сербского или итальянского) на исследуемые языки одного из вариантов «Баллады...», в свою очередь переведенного болгарским исследователем конца XIX в. К. Шапкаревым с албанского. Тем самым, использование эвиденциальных форм оказывается, с одной стороны, мотивировано динамической структурой текста и логикой его развертывания, и, с другой, служит формальному маркированию этой структуры. Как мне представляется, убедительная демонстрация того, что употребление эвиденциальных форм может определяться не только и зачастую не столько их «собственным значением», сколько дискурсивными стратегиями говорящего в рамках определенного жанра и нарративными конвенциями, является одним из наиболее значительных достижений в изучении эвиденциальности на современном этапе, причем не только в балканистике, поскольку разработанный — разумеется, с опорой на ряд предшествующих исследований — М. М. Макаревым подход может быть с успехом применен и к другим языкам.

В пятой главе «Эвиденциальность в языке средств массовой информации» (с. 292—320) исследуется использование форм прямой и косвенной эвиденциальности в качестве средства манипуляции сознанием потребителя информации в балканских СМИ. В первом разделе главы рассматриваются сообщения из СССР и России в болгарской прессе рубежа 1980—1990-х гг. и постепенный переход от идеологически мотивированной так называемой «стратегии объективности», в которой при сообщениях из СССР использовались исключительно прямые эвиденциалы, к более сложным стратегиям, в которых распределение прямых и косвенных эвиденциалов и нейтральных форм во многом диктуется субъективным отношением автора к сообщаемой информации и тем, какую точку зрения на эту информацию автор «навязывает» читателю. Характерно, что в момент «наибольшей неопределенности» в августе 1991 г. в сообщениях из СССР преобладают косвенные эвиденциалы. Во втором разделе главы на материале статьи [Friedman 2012] показано, что в албанских СМИ Косова в 1994—2000 гг. нейтральные формы vs. косвенные эвиденциалы активно используются для маркирования оппозиции «свой vs. чужой». В третьем разделе исследуется использование эвиденциальных форм и перфекта в двуязычном албанско-македонском политическом дискурсе и демонстрируются возникающие при переводе с одного языка на другой много-многозначные соответствия между различными албанскими и македонскими грамматическими формами.

В Заключении (с. 321—327) суммируются основные выводы книги, которым дается интерпретация с точки зрения как типологии эвиденциальных систем, так и «балканской модели мира». В обширных Приложениях (с. 328—390) приводятся материалы описанного в четвертой главе лингвистического эксперимента (все тексты, полученные от носителей языка и тексты-стимулы), переводы албанских версий «Баллады о мертвом брате», а также список использованных в книге болгарских, македонских и албанских версий этого текста. Имеется

также список сокращений и указатели языков и терминов, краткое резюме на английском языке (с. 442—443), а также весьма представительная библиография, о которой также см. ниже.

Оценивающую часть рецензии хочется начать с повторения тезиса о том, что книга М. М. Макаргеца, по моему мнению, вносит чрезвычайно существенный вклад в изучение эвиденциальности как в балканских языках, так и в типологической перспективе. Отличительной особенностью и несомненным достоинством книги является синтез анализа грамматических систем, лексикографического и корпусного исследования лексики и изучения функционирования эвиденциальных категорий в дискурсе с особым вниманием к структуре текста. На каждом из этих направлений в отдельности автором получены значительные результаты, а объединение их в рамках одного исследования позволяет достичь «объемного» взгляда на категорию эвиденциальности и ее функционирование, который представляется более адекватным, чем изолированное изучение грамматических, лексических и дискурсивных аспектов проблемы. Очевидно, что представленная в книге яркая и переливающаяся разными цветами картина балканской эвиденциальности является результатом глубоких познаний автора в исследуемых языках, равно как и его многосторонней научной эрудиции. Книга Макаргеца выступает не только оригинальным научным исследованием, но и, пожалуй, наиболее полным на русском языке обзором работ по эвиденциальности, как в балканских языках, так и в типологическом освещении.

Книга написана живым и по большей части легким для восприятия научным языком — подчас, однако, чересчур «живым», поскольку автор имеет склонность к переходу от научного стиля к почти беллетристическим пассажам, ср. уподобление истории изучения эвиденциальности «петляющей реке со множеством потоков и параллельных рукавов» («меандру») на с. 321 и 328, а также к утверждениям слишком общего характера, ср.: «...мы сталкиваемся с противоречием, которое вытекает из лежащей в основе современной лингвистики дихотомии означающего и означаемого» (с. 12) или «стремясь найти различие в сходном и сходное в различном — что и соответствует основным конструктивным принципам балканского языкового союза и балканской модели мира» (с. 15) (о «балканском» см. также ниже), или на той же странице «граница, которая, с одной стороны, отделяет объект от прочих элементов множества, а с другой — связывает его с ними». Примеры подобных пассажей, которые служат скорее украшению текста, нежели научной ясности, встречаются в тексте книги в немалом числе.

Переходя к собственно критике, укажу, что в ряде случаев аргументация автора представляется недостаточно эксплицитной, а словоупотребление не вполне корректным. Так, о ряде работ на с. 37 сказано, что «определение статуса эвиденциальности» в них «носит компромиссный характер», однако данное суждение никак не раскрывается. В значительной степени непроясненным остается понятие «эпистемичности» и его значения на с. 44—49, а также в табл. 1.1 на с. 45. Из сравнения изложения на с. 82 с табл. 2.1 на с. 82—83 следует, что «индикативными» болгарские грамматисты считают в том числе формы императива, что весьма сомнительно; некорректно использование термина «связка» по отношению к конъюнктивной частице *да* в сноске 52 на с. 83. Не эксплицируются критерии противопоставления «грамматического» и «лексического» выражения эвиденциальности в третьей главе, о чем уже говорилось выше, и вовсе не очевидно, что к лексическим маркерам правомерно применять ту же таксономию значений, что и к грамматическим (ср. с. 148): например, не кажется корректным утверждение на с. 156, что «значение репортативности могут передавать ... глаголы ... 'говорить / сказать'» — ведь эвиденциальное значение репортативности, в отличие от лексического значения глаголов речи, не имеет ассертивного коммуникативного статуса и функционирует — не только в языке, но и в дискурсе! — принципиально иным образом. Говоря о «малой частотности косвенных эвиденциалов в албанских текстах» (с. 171), автор не приводит сравнительных данных для других балканских языков, что снижает ценность этого наблюдения. Утверждения автора на с. 172 об «эвиденциальной немаркированности» перфекта и плюсквамперфекта в албанском иллюстрируются лишь примерами форм косвенной эвиденциальности, в то время как в первую очередь следовало бы привести

примеры различных употреблений нейтральных форм. На схеме 4.3 на с. 263 неясно, чему соответствуют и как соотносятся между собою цифры и диаграммы; кроме того, когда релевантных форм всего 63, следовало бы приводить не проценты, а абсолютные цифры.

Изредка эрудиция автора изменяет ему. Так, термин «эвиденциальность» появился в русскоязычной лингвистике по крайней мере с учебника [Плунгян 2000] (а не со сборника [Храковский (ред.) 2007], как полагает автор на с. 20), а понятие «точка отсчета» было предложено не Е. В. Падучевой, а в работе [Reichenbach 1947].

Наибольшие сомнения у рецензента вызывает несомненно значимая для автора апелляция к разработанному его учителями понятию «балканской модели мира». Как кажется, это понятие — по крайней мере в изложении автора — слишком нечетко и всеобъемлюще, чтобы его можно было использовать для построения верифицируемых научных гипотез. Действительно, если верно, что «базовые оппозиции» балканской модели мира — это «внешний / внутренний, истинный / ложный, определенный / неопределенный, свой / чужой, хороший / плохой» (с. 214), то возникает вопрос о специфике «балканского» и объяснительной силе всей концепции — ведь указанные оппозиции, вне всякого сомнения, релевантны для модели мира любой культуры. Соответственно, если, как утверждает автор на с. 326, «эвиденциальность характерна для матрицы балканской языковой картины мира, будучи связана с такими существенными бинарными оппозициями, как *видимый / невидимый, внутренний / внешний, свой / чужой* и др.» (курсив автора. — П. А.), то не следует ли задаться вопросом о том, почему эвиденциальность не является универсальной грамматической категорией, коль скоро приведенные бинарные оппозиции имеют значение для любой человеческой культуры, а вовсе не только балканской. Наконец, рецензенту представляется, что основные выводы книги являются гораздо более содержательными и «операциональными», чем скорее художественное, нежели научное утверждение на с. 328 о том, что «сплетение сходного и различного в формах, выражающих прямую и косвенную эвиденциальность в балканских языках, — еще одно проявление амбивалентности балканской модели мира».

К большому сожалению, книга, представляющая столь значительную научную ценность, не прошла удовлетворительной редактуры. В тексте встречаются довольно многочисленные опечатки, в том числе в фамилиях авторов и языковых примерах (так, в итальянском тексте на с. 332—333 в качестве знака ударения используется акут вместо положенного грависа), и стилистические огрехи; ср. уместное скорее в заявке на грант, нежели в научном сочинении упоминание «международных рецензируемых журналов» в обсуждении классической статьи Р. О. Якобсона на с. 18; ненужными варваризмами являются термины «типологический эмпл» и «сэмплирование» на с. 65—66 — вместо них следовало бы употребить устоявшиеся в русскоязычной типологии термины «выборка» и «составление выборки». То же самое касается перевода англ. «adpositions» (гипероним по отношению к предлогам и послелогам) как «адпозиции» на схеме 2.1 на с. 78. Есть очевидные ляпы вроде «в македонском все личные формы македонского глагола» (с. 106) или вариативность написания слова *арбэреиский / арбереиский*, которые следовало устранить на стадии редактирования текста. Неудачно, что при обсуждении дискурсивных функций эвиденциальных форм на с. 256—260 абсолютно непонятные неспециалисту развернутые албанские примеры оставлены автором без хотя бы частичного поморфемного глоссирования, а их переводы приводятся не непосредственно там же, а в Приложении; это существенным образом затрудняет понимание и верификацию анализа.

Встречаются чисто технические недочеты вроде отсутствия обещанных в сноске 17 на с. 25 подчеркивания и выделения полужирным релевантных частей примеров на с. 25—29, затемненных клеток в табл. 3.1 на с. 203 или выделения полужирным в табл. 3.3 на с. 210. Неясно, к чему отсылает «там же» в начале с. 232. Однако наибольшее недоумение и сожаление вызывает совершенно недопустимая в научном издании небрежность в составлении библиографии: многие из имеющихся в тексте ссылок на литературу не расшифрованы в библиографии, а в самом списке литературы встречаются опечатки, неточное написание фамилий авторов и года издания работ, а также нарушения алфавитного порядка.

Завершая рецензию, мне хотелось бы снова подчеркнуть, что, несмотря на все высказанные выше критические замечания и обнаруженные существенные технические недочеты, я полагаю монографию М. М. Макарецца чрезвычайно ценным научным сочинением, вносящим несомненный и большой вклад в изучение эвиденциальности, и убежден, что значение этой книги выходит далеко за пределы собственно балканистики. Возможно, автору следовало бы в обозримое время подготовить исправленное переиздание книги, которая, я уверен, еще долго будет востребована специалистами по балканским языкам и типологии глагольных категорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Плунгян 2000 — Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: УРСС, 2000. [Plungian V. A. *Obshchaya morfologiya. Vvedenie v problematiku* [General morphology. Introduction to the problematics]. Moscow: URSS, 2000.]
- Храковский (ред.) 2007 — Храковский В. С. (ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб.: Наука, 2007. [Khrakovskii V. S. (ed.). *Evidentsial'nost' v yazykakh Evropy i Azii* [Evidentiality in the languages of Europe and Asia]. St. Petersburg: Nauka, 2007.]
- Aikhenvald 2004 — Aikhenvald A. Yu. *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Aikhenvald, Dixon (eds) 2003 — Aikhenvald A. Yu., Dixon R. M. W. (eds). *Studies in Evidentiality*. Amsterdam: John Benjamins, 2003.
- Boye, Harder 2009 — Boye K., Harder P. Evidentiality: Linguistic categories and grammaticalization. *Functions of Language*. 2009. Vol. 16. No. 1. Pp. 9—43.
- Boye, Harder 2012 — Boye K., Harder P. A usage-based theory of grammatical status and grammaticalization. *Language*. 2012. Vol. 88. No. 1. Pp. 1—44.
- Chafe, Nichols (eds) 1986 — Chafe W., Nichols J. (eds). *Evidentiality: The linguistic coding of epistemology*. Norwood (NJ): Ablex Publishing Corporation, 1986.
- Diewald, Smirnova (eds) 2010 — Diewald G., Smirnova E. (eds). *Linguistic realization of evidentiality in European languages*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2010.
- Friedman 2012 — Friedman V. Enhancing national solidarity through the deployment of verbal categories: How the Albanian admirative participates in the construction of a reliable self and an unreliable other. *Pragmatics and Society*. 2012. Vol. 3. No. 2. Pp. 189—225.
- Reichenbach 1947 — Reichenbach H. *Elements of Symbolic Logic*. New York: Macmillan, 1947.
- Wiemer, Plungian (eds) 2008 — Wiemer B., Plungian V. A. (eds). *Lexikalische Evidentialitäts-Marker in slavischen Sprachen*. (Wiener Slawistischer Almanach. Sbd 72.) München: Otto Sagner, 2008.

I. A. Seržant, L. Kulikov (eds). The diachronic typology of non-canonical subjects. Amsterdam: John Benjamins, 2013. XXVI + 354 p. (Studies in language companion series, 140). ISBN 978-90-272-0607-7.

Мария Валерьевна Шкапа

Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Россия; МГУ им. М. А. Шолохова, Москва, 109240, Россия
mashashkapa@gmail.com

Maria V. Shkapa

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russia; Sholokhov Moscow State University for the Humanities, Moscow, 109240, Russia
mashashkapa@gmail.com

Сборник «Диахроническая типология неканонических подлежащих» содержит 13 исследований, посвященных неканоническим подлежащим, а также предисловие, включающее теоретическое введение и обзор статей (авторы: И. Сержант, К. Федриани, Л. Куликов), и заключительную обобщающую статью И. Сержанта.

* Работа автора поддержана грантом РГНФ № 12-34-01345 «Синтаксис нефинитной глагольной предикации».